

Л. АЛЬТЮССЕР

Ленин и философия

Прежде всего хочу поблагодарить Общество за оказанную мне честь — приглашение выступить с тем, что здесь изначально называлось и еще долго будет называться трогательно несовременным словом «сообщение»*.

I

Когда ученый выступает с сообщением перед учеными, это понятно и естественно. В самом деле, и сообщение, и последующая дискуссия вообще могут быть только *научными* и никакими другими. Но что такое философское сообщение, философская дискуссия?

Философское сообщение. Если бы Ленин услышал такое словосочетание, он наверняка рас смеялся бы тем искренним, заразительным смехом, по которому рыбаки на Капри узнавали в нем человека одной с ними породы, защитника их интересов. Это было ровно шестьдесят лет назад, в 1908 году: Ленин жил на Капри у Горького. Он любил Горького за широту натуры, ценил его талант, но при этом называл мелкобуржуазным революционером. Горький пригласил Ленина на Капри, желая вовлечь его в философские дис-

---

* Доклад, прочитанный во Французском философском обществе 24 февраля 1968 г., публикуется с любезного разрешения председателя общества Жана Валя.

куссии, которые велись в маленькой группе большевистских интеллектуалов, так называемых «отзовистов». Горький разделял их взгляды. Дело было в 1908 году, то есть вскоре после первой русской революции 1905 года; наступило время реакции, рабочее движение было подавлено. А среди «интеллектуалов», в том числе интеллектуалов-большевиков, царила полная растерянность. Значительная их часть объединилась в группу, за которой в дальнейшем закрепилось название «отзовисты»¹.

В политике отзовисты были левыми, они выступали за радикальные меры: отзыв представителей партии из Думы, отказ от всех видов легальной борьбы, незамедлительный переход к насильственным действиям. Однако *теории*, скрывавшиеся под этими левыми лозунгами, были правого толка. Отзовисты подпали под влияние модной философии, или философской моды, — так называемого эмпириокритицизма, с виду несколько обновленного знаменитым австрийским физиком Эрнстом Махом². Эта философия, основателями которой стали физик и физиолог (Мах был далеко не рядовой фигурой, он оставил след в истории науки), имела общие черты с другими философскими системами, созданными учеными, например Пуанкаре, или историками науки, такими как Пьер Дюгем и Абель Рей³.

Подобные явления стали наблюдаться и в наше время. Когда происходит переворот в какой-либо науке (в данном случае это были математика и физика), всякий раз находят завзятые *философы*, которые возвещают о «кризисе», переживаемом наукой вообще либо только математикой или только физикой в отдельности. Смею утверждать: такие декларации — своего рода закономерность, ибо определенная категория философов постоянно предсказывает, а стало быть, с нетерпением предвкушает угасание науки, когда можно будет дать ей последнее философское причастие, *к вящей славе Господней*⁴.

Но еще более любопытно другое: в то же самое время находят и *ученые*, которые считают возможным говорить о кризисе в науке и которые вдруг удивительным обра-

зом открывают в себе философов; либо им кажется, будто они переживают нечто вроде религиозного обращения, хотя на самом деле они уже давно и регулярно исполняют «обряды и ритуалы» философии, либо им кажется, будто они изрекают некие откровения, хотя на самом деле они преподносят избитые истины, перетряхивают старый хлам, являющийся неотъемлемой частью того, что философия вынуждена считать своей историей.

Мы же, философы по основной своей профессии, склонны думать, что эти ученые, принявшие бурный рост в одной из областей науки за неодолимый «научный кризис», по сути, переживают нечто вроде кризиса в собственных философских взглядах в том смысле, в каком кризисом называется бурное проявление симптомов болезни во время ее обострения. Просто-напросто их философия, которой они руководствуются безотчетно изо дня в день, вдруг становится *очевидна для них самих*.

Эмпириокритицизм Маха, как и все его побочные продукты — воззрения Богданова⁵, Луначарского, Базарова⁶ и т.д., — был именно таким философским кризисом. Эти явления носят хронический характер. Наблюдаются они и в наше время. Отдаленным (хотя и вполне адекватным по масштабам) примером в данном случае может считаться та философия, которая стараниями некоторых ученых — биологов, генетиков, лингвистов и т.д. — создается сегодня вокруг «информации», — вот вам типичный «философский кризис», причем в своей эйфорической разновидности.

Философские кризисы у ученых примечательны тем, что их философская направленность всегда неизменна; это лишь слегка подновленные старые идеи *эмпиристского* либо *формалистского*, то есть в конечном счете *идеалистического* толка, а стало быть, их противником *всегда* является *материализм*.

Итак, отзовисты были эмпириокритицистами, однако, будучи в то же время марксистами (поскольку принадлежали к партии большевиков), утверждали, будто марксизм должен избавиться от догматического мировоззрения, каким явля-

ется диалектический материализм, и, для того чтобы стать марксизмом XX века, должен, наконец, обзавестись философией, которой ему всегда недоставало, — идеалистической философией, близкой к неокантианству, переработанной учеными и подкрепленной их авторитетом — *эмпириокритицизмом*. Некоторые большевики из этой группы даже хотели дополнить марксизм «истинными» гуманистическими ценностями религии и потому называли себя богостроителями. Однако это уже другая тема.

Как мы сказали, Горький захотел пригласить Ленина на Капри, чтобы организовать философскую дискуссию между ним и отзовистами. Однако Ленин выдвинул условие: дорогой Алексей Максимович, я рад буду навестить вас, но категорически отказываюсь вести *какую бы то ни было* философскую дискуссию.

Разумеется, это был тактический ход. Ленину важнее всего было сохранить политическое единство между большевиками в эмиграции, а философская дискуссия могла спровоцировать разногласия. Однако в его тактике просматривается и нечто большее, то, что я назвал бы *исполнением ритуалов и обрядов* философии, а также сознание того, к чему обязывает человека такое исполнение, — проще говоря, сознание того непреложного, основополагающего факта, что философия *разобщает* людей. Если наука объединяет, то философия разобщает и, лишь разобщая, способна объединить. Теперь мы понимаем, почему рассмеялся Ленин: не бывает на свете философского сообщения, как и философской дискуссии.

Сегодня мне хотелось бы всего лишь истолковать этот смех, который сам по себе есть некий тезис.

Смею надеяться, что этот тезис приведет нас к чему-то важному.

В данный момент, однако, он завел меня в тупик. В самом деле, если философских сообщений не бывает, как назвать мое сегодняшнее выступление? Конечно, я выступаю с лекцией перед философами. Но, как говорится, не всяк монах, на ком клобук: состав аудитории еще не определяет, какой будет лекция. Поэтому лекция моя не будет философской.

И все же по веским причинам, связанным с тем моментом теоретической истории, который мы переживаем сейчас, это будет лекция *из области философии*. Но не лекция *по философии*. Она будет или, вернее, хотела бы стать лекцией *о философии*. А значит, ваше общество заранее предугадало мои намерения, пригласив меня выступить перед вами с *сообщением*.

То, что я попытаюсь сказать здесь, могло бы и в самом деле соответствовать этому определению, если бы мне удалось сообщить вам нечто *о философии* или, коротко говоря, сформулировать основные элементы некоей *теории философии*. Теория — это нечто такое, что в известной мере предваряет ту или иную науку.

Поэтому прошу вас вдуматься в название моей лекции: «Ленин и философия». То есть не «философия Ленина», отнюдь нет, а Ленин о философии. По моему мнению, именно Ленину мы обязаны возможностью, дорога к которой, вероятно, была проложена еще раньше, но которая от этого не перестает быть бесценной, — возможностью завести предварительный разговор о том, что однажды, надо полагать, станет нефилософской теорией философии.

II

Если именно в этом важнейшая заслуга Ленина в свете нашей сегодняшней темы, то, возможно, вначале нам следует безотлагательно разрешить старый спор между университетской, профессорской философией (и в частности, университетской философией Франции) и Лениным. Поскольку я сам представитель университетской науки, читаю курс философии, то «приветствие» Ленина среди прочих обращено и ко мне.

Насколько мне известно, французская университетская философия — за исключением Анри Лефевра⁷, написавшего о Ленине замечательную работу, — не проявила никакого интереса к человеку, который возглавил величайшую политическую революцию в современной истории и который

к тому же в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» подробно и тщательно проанализировал труды наших соотечественников А. Пуанкаре, П. Дюгема, А. Рея и других.

Заранее прошу прощения, если по забывчивости не упомянул кого-либо из маститых современных ученых, но за последние полвека, помимо статей философов или ученых с коммунистическими взглядами, о Ленине у нас написано совсем немного: статья Сартра⁸ в «Тан модерн» в 1946 году («Материализм и революция»), статья Мерло-Понти (в сборнике «Приключения диалектики») и статья Рикёра⁹ (в «Эспри»).

В этой своей статье Рикёр с уважением отзывается о работе «Государство и революция», но, как мне кажется, не рассматривает ленинскую философию как таковую. Сартр пишет, что материалистическая философия Энгельса и Ленина «немыслима», в смысле *Unding**, то есть она не выдерживает испытания простой мыслью, ибо является разновидностью метафизики — натуралистской, догматической, докантовской, догегелевской; однако он великодушно признает за этой философией функцию платоновского «мифа», который помогает пролетариям стать революционерами. А Мерло-Понти¹⁰ отделяется от проблемы совсем легко: по его мнению, ленинская философия — всего лишь «выход из положения».

Конечно, мне не подобает — даже при соблюдении необходимого такта — устраивать суд над французской философской традицией за последние полтора века, ибо завеса молчания, которой французская философия *прикрывает* свое прошлое, может поведать нам гораздо больше, чем все на свете *открытые* судебные процессы.

В самом деле, требуется определенное мужество, чтобы сказать: целый период во французской философии, от Мен де Бирана и Кузена до Бергсона и Брюнсвика (включая Равессона, Гамелена, Лашелье и Бутру¹¹), можно *оправдать* перед лицом ее истории лишь благодаря нескольким великим умам, которые либо подверглись беспощадной критике, как

---

* Здесь: невозможная вещь (нем.). — Примеч. ред.

Конт и Дюркгейм, либо были прочно забыты, как Курно¹² и Кутюра; некоторые совестливые историки философии, историки науки и эпистемологи своей кропотливой работой подготовили появление тех, кому французская философия отчасти обязана своим возрождением в последние тридцать лет, тех, кого сейчас знает каждый; позвольте мне назвать только двоих, уже ушедших из жизни, — Кавайе и Башляра*¹³.

А в сущности, с чего бы это французская философия, которая полтора века была до мозга костей религиозной, спиритуалистской и реакционной, затем в лучшем случае консервативной, в последние же годы либеральной и «персоналистской», которая не соизволила заметить Гегеля, Маркса и Фрейда, университетская философия, которая только недавно, несколько десятилетий назад, а то и меньше, начала внимательно вчитываться в Канта, Гегеля и Гуссерля¹⁴, открыла для себя Фреге и Рассела¹⁵, с чего бы она стала интересоваться большевиком, революционером, политиком, каким был Ленин?

Тут сыграли свою роль как непреодолимые классовые предрассудки, отягощающие ее собственно философские традиции, так и приговор наших наиболее «свободных» мыслителей («немыслимая, догматическая философия Ленина»); кроме того, французская философская наука пребывала в твердой уверенности, что ей нечего ждать философских откровений от политика, да и от всей политики вообще. Вот только один пример: лишь недавно несколько французских университетских философов принялись изучать величайших теоретиков политической философии — Макиавелли, Спинозу, Гоббса, Греция, Локка и даже Руссо, «нашего» Руссо. Еще каких-нибудь тридцать лет назад изучать этих авторов считалось пустым занятием, уделом литераторов и юристов.

Однако французская университетская философия не ошибалась, категорически отказываясь чему-либо учиться у отдельных политиков и у политики вообще, а следовательно,

---

* Сейчас, увы, приходится добавить еще имя Жана Ипполита. —
Примеч. авт.

и у Ленина. Ведь философия только и живет политикой, а раз так, то все имеющее отношение к политике может оказаться для философии смертельным.

Ленин, разумеется, платил университетской философии той же монетой (если только она его читала) и платил весьма щедро, можно сказать, «не требуя сдачи»! Вот что мы читаем в «Материализме и эмпириокритицизме» о Дицгене, немецком пролетарии, который, по словам Маркса и Энгельса, самостоятельно, не имея образования, благодаря участию в пролетарской борьбе сумел открыть для себя *диалектический материализм*: «Дипломированные лакеи с речами об “идеальных благах”, оупляющие народ при помощи вымученного идеализма» — вот что такое профессора философии для Дицгена. «Как у боженьки антипод — дьявол, так у поповского профессора — материалист». Теория познания материализма является «универсальным оружием против религиозной веры», и не только против «всем известной, настоящей, обыкновенной религии попов, но и против очищенной, возвышенной профессорской религии опьянелых идеалистов». По сравнению с «половинчатостью» свободомыслящих профессоров Дицген готов был предпочесть «религиозную честность»: там «есть система», там есть люди цельные, не разрывающие теорию и практику. «Философия — не наука, а средство защиты от социал-демократии» для гг. профессоров. «Те кто называют себя философами, профессора и приват-доценты, все тонут, несмотря на свое свободомыслие, более или менее в предрассудках, в мистике... все составляют по отношению к социал-демократии... одну реакционную массу...» «Чтобы идти по верному пути, не давая никаким религиозным и философским нелепостям сбивать себя, надо изучать неверный путь неверных путей (*den Holzweg der Holzwege*) — философию» («Материализм и эмпириокритицизм», VI, 4)*.

---

* Мы выделяем курсивом цитаты из произведений Дицгена¹⁶, приведенные Лениным; чтобы подчеркнуть ключевые слова, Ленин приводит их и по-немецки: *den Holzweg der Holzwege*. — *Примеч. авт.*

Что означает буквально следующее: нельзя отыскать верный путь (подразумевается: в науке, но прежде всего в политике) без предварительного изучения философии, более того, без *теории философии как неверного пути*.

В конечном счете именно это обстоятельство — помимо других, названных выше, — и сделало Ленина *непереносимым* для университетской философии и — не хочу называть никого конкретно — если не для всех, то для большинства философов вообще. В философском смысле Ленин непереносим — или был непереносим какое-то время — для всех нас (разумеется, в том числе и для меня). Потому что в глубине души вопреки всем разговорам о догматичности ленинской философии, о слишком общем аспекте некоторых его категорий философы интуитивно чувствуют, доподлинно знают: *не в этом* суть дела. Они чувствуют и знают, что Ленину глубоко безразличны их придирки. Безразличны, во-первых, потому, что он их предвидел, причем задолго. Ведь он говорит: я не философ, я недостаточно подготовлен в этой области (письмо Горькому от 7 февраля 1908 года). Ведь это он говорит: знаю, мои формулировки и определения расплывчаты, не вполне отработаны; знаю, философы будут обвинять материализм в «метафизичности». Но Ленин добавляет: суть не в этом. Я не просто не разделяю их философию, я еще и не *философствую* так, как они. Философствовать, как они, — значит попусту растрачивать сокровища разума и проницательности, бесконечно пережевывая философскую *жвачку*. Я же, говорит Ленин, отношусь к философии иначе, я воспринимаю ее как *практику* в соответствии с идеями Маркса, в соответствии с тем, что она есть на самом деле. Полагаю, в этом вопросе я — «диалектический материалист».

Все это можно прочесть в «Материализме и эмпириокритицизме» как в печатном тексте, так и между строк. Отсюда и непереносимость Ленина для большинства философов; они понимают в душе, но не желают признать открыто, что проблема на самом деле именно в *этом*. А не в том, чтобы выяснить, были Маркс, Энгельс и Ленин настоящими

философами или нет, безупречны ли с формальной точки зрения их философские дискурсы, правду или чушь сказали они о кантовской «вещи в себе», был ли их материализм догматическим или нет, и т.д., и т.п. Ибо все эти проблемы существуют и будут существовать лишь в рамках определенной философской *практики*. И подлинная проблема в том, что Ленин поставил под вопрос эту традиционную философскую практику и предложил взамен совершенно *иное* отношение к философии.

Это иное отношение — своего рода проект или предварительный набросок *объективного познания* самой формы существования философии. Познания философии как «неверного пути неверных путей». Но для философов и для философии нет ничего более непереносимого, более нестерпимого, чем даже просто разговор о таком познании. Для философии нестерпима сама мысль о теории (то есть об объективном познании) философии, способной коренным образом изменить ее традиционную обрядность. Теория может оказаться смертельной для философии, ибо философия живет за счет ее отрицания.

Итак, университетская философия не терпит Ленина (как и Маркса) по двум причинам, которые в итоге сводятся к одной. Во-первых, для нее нестерпима мысль, что она может чему-либо научиться у политики вообще и у какого-то политика в частности. А во-вторых, она не допускает мысли, что философия может быть предметом теории, то есть объективного познания.

Но если *вдобавок* какой-то политик вроде Ленина, «неискушенный ум» и самоучка в философии, имеет наглость заявлять, будто для серьезной, ответственной философской *практики* необходима теория философии, это уже переходит всякие границы...

Тут университетская, да и любая другая философия опять-таки не ошибается: если она столь решительно стремится избежать по видимости случайного диалога с простым политиком, предлагающим ей путь к познанию сущности философии, то это потому, что такой диалог затрагивает ее самое

больное место, оживляет подавленный, загнанный глубоко внутрь и традиционно находящий себе выход в бесплодном философствовании импульс; иначе говоря, чтобы познать себя через теорию, философия прежде должна признать: она — не что иное, как своего рода замещение политики, своего рода продолжение политики, своего рода пережевывание политики.

И выясняется, что первым об этом сказал Ленин. И еще: он *смог* сказать об этом лишь потому, что был политиком, и не просто политиком, а *вождем пролетариата*. Вот почему Ленин непереносим для любителей философской жвачки, непереносим настолько же, — я взвешиваю свои слова — насколько Фрейд непереносим для любителей жвачки психологической.

Итак, мы видим, что в основе неприязненных отношений между Лениным и официальной философией не одни лишь недоразумения и мелкие конфликты и отнюдь не только благородное негодование университетской профессуры, которой сын школьного учителя, малоизвестный адвокат, ставший вождем революции, без обиняков заявляет: все вы, господа, — мелкобуржуазные интеллигенты, в системе буржуазного образования вы выступаете в роли идеологов и под видом критических или посткритических идей вдалбливаете молодежи идеологические догмы правящего класса. Между Лениным и официальной философией существует непримиримая вражда, поскольку господствующей философии наступили на любимую мозоль, указали на ее подавленный, глубоко скрытый импульс: политику.

III

Однако, чтобы понять, как отношения между Лениным и философией дошли до своего теперешнего состояния, нам надо вернуться назад и, прежде чем говорить о Ленине и философии вообще, определить его место в марксистской философии, а значит, представить себе структуру и положение последней.

Я, разумеется, не собираюсь давать здесь исторический обзор марксистской философии. Сейчас это просто невозможно сделать по одной достаточно веской причине: чтобы описать историю некоего неизвестного явления, надо сперва его изучить, а изучив, еще суметь выяснить, есть ли у этого явления история, точнее, имеет ли оно право на собственную историю.

Вместо того чтобы давать, пусть даже очень беглый, обзор «истории» марксистской философии, я хотел бы на материале различных текстов и произведений, исторически следовавших друг за другом, выявить наличие определенной, весьма показательной трудности.

Эта трудность стала поводом для громких дискуссий, не утихающих и по сей день. О ее существовании мы можем узнать из наиболее распространенных названий этих дискуссий. Что лежит в основе марксистской теории — наука или философия? Является ли марксизм по сути своей определенной разновидностью философии — «философией практики», и если да, то как относиться к утверждениям Маркса, что это наука? Если же, напротив, марксизм по сути своей — научная дисциплина, исторический материализм, наука об истории, то как следует относиться к марксистской философии, диалектическому материализму? А если мы согласимся с классическим разделением марксизма на две части — исторический материализм (наука) и диалектический материализм (философия), то как осмыслить это разделение: в прежних представлениях или в новых? Или же: как связаны друг с другом материализм и диалектика в диалектическом материализме? Или же: что такое диалектика: только метод или целая философия?

Эта трудность, вызвавшая столько споров, весьма *показательна*. В том смысле, что она выявляет некую не вполне объяснимую реальность, а приведенные выше вопросы, над которыми люди бьются столько лет, представляют собой определенную трактовку, интерпретацию этой реальности. Очень сжато и обобщенно мы скажем, что в классических формулировках эта трудность определяется исключительно

как совокупность *философских вопросов*, то есть помещается в рамки того, что мы здесь назвали философской жвачкой; на самом же деле надо не рассматривать эти трудности сквозь призму философских вопросов (которые в данном случае не могут не возникнуть), а давать им совершенно иное определение — *проблема*, то есть помещать их в сферу объективного знания (иначе говоря, в сферу *науки*). Только при таком условии мы сможем понять заблуждение, в результате которого важнейший теоретический вклад марксизма в философию ранее осмыслялся как череда философских вопросов; в действительности же речь идет о насущной *проблеме*, она может иметь определенные последствия для философии, но именно потому, что сама в конечном счете не является *вопросом философии*.

Я настаиваю на этих различиях (научная проблема, вопрос философии) не затем, чтобы осудить тех, кто впал в заблуждение, ведь это случилось с каждым из нас; и мы понимаем, что такое заблуждение было и все еще остается неизбежным, причем до такой степени, что даже сама марксистская философия по вполне убедительным причинам была и остается его жертвой.

Чтобы это понять, достаточно окинуть взглядом общую картину того, что принято называть марксистской философией, начиная от «Тезисов о Фейербахе», и сразу бросится в глаза, насколько своеобразное зрелище она собой представляет. Если вы согласитесь со мной, что ранние произведения Маркса следует оставить за скобками (я знаю, для некоторых это будет большой уступкой, несмотря на весомость приведенных мной доводов), и мы примем за отправную точку его слова о том, что «Немецкая идеология» представляет собой «сведение счетов с моим прежним философским сознанием», то есть разрыв с прошлым и переход к новому мышлению, и если мы посмотрим, что произошло в промежуток времени между «Тезисами о Фейербахе» (первое свидетельство «разрыва», 1845 г.) и энгельсовским «Анти-Дюрингом» (1877), то будем поражены, увидев длительный философский вакуум.

В XI Тезисе о Фейербахе говорится: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Эта лаконичная фраза как будто возвещала новую философию, не «объясняющую», а «преобразующую». Именно так более чем полвека спустя истолковал ее Лабриола, а позднее Грамши; оба они определяли марксизм прежде всего как новую философию, «философию практики». И все же надо смириться с очевидностью: эта пророческая фраза в ближайшем будущем не породила никакой новой философии, во всяком случае, никакого нового философского дискурса; наоборот, она стала прелюдией к долгому философскому молчанию. Это долгое молчание было прервано событием, которое по всем признакам выглядело непредвиденной случайностью: поспешным вмешательством Энгельса, вынужденным вступить в идеологическую битву с Дюрингом и «преследовать его на его же поле», — надо было побороть политические последствия «философских» опытов слепого учителя математики, возымевших опасное влияние на немецкий социализм.

Странная ситуация: выдвигается тезис, провозглашающий революцию в философии, после чего на тридцать лет воцаряется философское молчание, и наконец, появляются несколько наспех написанных глав философской полемики, опубликованной Энгельсом по политическим и идеологическим соображениям и предваряющей замечательное краткое изложение научных теорий Маркса.

Следует ли из этого, что мы, восприняв XI Тезис о Фейербахе как провозглашение революции в философии, стали запоздалыми жертвами философской иллюзии? И да и нет. Но до того, как сказать «нет», думаю, надо всерьез сказать «да»: да, мы стали жертвами философской иллюзии. В «Тезисах о Фейербахе» языком философии — это было необходимо, поскольку речь шла о разрыве с любыми разновидностями «толковательной» философии — говорится не о появлении новой философии, а о рождении новой науки — исторической науки, первые, еще хрупкие и непрочные основы которой были заложены Марксом в «Немецкой идеологии».

Таким образом, философский вакуум, последовавший за XI Тезисом о Фейербахе, был заполнен научной деятельностью, напряженной, долгой и трудной работой по созданию совершенно новой, невиданной прежде науки — работой, которой Маркс посвятит всю свою жизнь, вплоть до последних черновых страниц так и не законченного им «Капитала». Именно этот взлет науки — главная причина, что XI Тезис о Фейербахе, возвещая о событии, способном совершить переворот в философии, сам по себе не мог стать основой какой-то новой философии и даже *должен был* провозгласить ликвидацию всех существующих философских школ, чтобы выдвинуть на передний план деятельность по теоретической разработке научного открытия Маркса.

О полной ликвидации философии, как мы знаем, без обиняков сказано в «Немецкой идеологии». Надо выкинуть из головы разную философскую блажь, говорит Маркс, и взяться за изучение позитивной реальности, разорвать завесу философии и увидеть наконец реальность такой, какой она есть.

Предлагая ликвидировать философию, «Немецкая идеология» в качестве аргумента приводит теорию, согласно которой философия есть галлюцинация и мистификация или попросту *сновидение*, сотканное из того, что я назвал бы остатками дневных впечатлений от реальной истории, происходящей с конкретными людьми, остатками, облеченными неким призрачным бытием, в котором всё перевернуто с ног на голову. Философия, точно так же как религия и мораль, — всего лишь идеология, у нее нет собственной истории, и всё, что будто бы в ней происходит, на самом деле происходит вне нее, происходит в единственно реальной истории — истории материальной жизни людей. А потому наука — это сама реальность, и, чтобы познать ее, есть лишь один путь: развеять пелену тумана, созданную вокруг нее различными идеологиями, и в первую очередь философией.

Остановимся на этом драматическом моменте, чтобы выяснить его причины. Итак, теоретическая революция, о которой возвещает XI Тезис, на самом деле представляет

собой рождение новой науки. Если воспользоваться идеей Башляра, нам кажется, мы можем осмыслить теоретическую суть этого события как «эпистемологический разрыв».

Маркс основывает новую науку, то есть вырабатывает некую систему новых научных концепций в такой области, где прежде господствовали определенным образом организованные идеологические понятия. Маркс основывает науку истории там, где раньше были лишь различные философии истории. Когда мы говорим, что Маркс размещает теоретическую систему научных концепций там, где прежде господствовали различные философии истории, — это просто метафора; мы хотим сказать, что в рамках одного пространства, пространства Истории, Маркс заменил различные идеологические теории одной научной теорией. На самом же деле при этом изменилось и само пространство. Однако с этой важной оговоркой я предлагаю еще некоторое время пользоваться нашей метафорой, и даже придать ей более четкую форму.

Если мы окинем мысленным взором величайшие научные открытия в истории человечества, то, что мы называем *науками*, покажется нам небольшими *локальными* образованиями по сравнению с тем, что мы будем называть необъятными *континентами теории*. Сейчас, когда уже уместно дать оценку прошлому, мы, не заглядывая в будущее, — подобно Марксу, мы не станем его «варить в своих котелках», — можем и далее придерживаться нашей уточненной метафоры. Итак, говорим мы, до Маркса продолжительные «эпистемологические разрывы» открыли для научного познания *только два* необъятных континента: континент Математики, открытый древними греками (Фалесом¹⁷ или теми, кто скрывается за этой полумифической фигурой) и континент Физики (открытый Галилеем и его последователями). Такая наука, как химия, созданная в результате «разрыва в эпистемологии» Антуаном Лавуазье¹⁸, является лишь локальным образованием на территории континента Физики — в наши дни это известно всем. Логика в ее современной форме — часть континента Математики и т.д. С другой стороны, вполне вероятно, что

открытие Фрейда — психоанализ — это новый континент, который мы только начинаем исследовать.

Если наша метафора себя оправдала, мы можем выдвинуть следующее предположение. Маркс открыл для научного познания новый, третий по счету научный континент, континент Истории, открыл в результате «эпистемологического разрыва», первая фаза которого, заявленная в XI Тезисе, потом запечатлелась в «Немецкой идеологии». Этот «эпистемологический разрыв», конечно же, нельзя привязать к какой-либо конкретной дате. Основываясь на некоторых уже встречавшихся ранее моментах и *деталях*, можно даже снабдить его чем-то вроде предыстории. Так или иначе, усилиями Маркса этот «разрыв» стал *видимым*, проявились его первые признаки, однако они — лишь начало истории, которой нет конца. Внутри этого «разрыва», как и в ходе любого процесса, наблюдаются сложные, многообразные изменения.

В самом деле, изучая работы Маркса в хронологической последовательности, мы можем опытным путем зафиксировать эти изменения; они затрагивают как содержание основных идейных постулатов, так и их теоретическое обоснование — я имею в виду «Манифест», «Нищету философии» (1847), «К критике политической экономии» (1857), «Заработная плата, цена и прибыль» (1865), первый том «Капитала» (1867) и т. д. Позднее эти идеи были доработаны и развиты в произведениях Ленина, особенно в его Выдающемся труде по экономической социологии, к сожалению, забытом социологами: «Развитие капитализма в России», а также в «Империализме как высшей стадии капитализма» и других. И по сей день, хотим мы этого или нет, мы все еще живем в теоретическом пространстве, обозначенном этим «разрывом», открытым благодаря ему. Как и предыдущие «разрывы», открывшие два других, уже известных нам континента, этот «разрыв» стал началом истории, которой не будет конца.

Вот почему мы должны рассматривать XI Тезис о Фейербахе не как провозглашение новой философии, а как заявле-

ние об отказе от философии вообще, поскольку необходимо освободить место для создания новой науки. Вот почему от радикального устранения философии до «непредвиденной» случайности, породившей философские главы «Анти-Дюринга», длится период философского молчания, когда говорит лишь новая наука.

Наука эта, разумеется, материалистическая — как всякая наука вообще, но не более того, — и потому ее общая теория названа «Исторический материализм». В данном контексте материализм — лишь строгая позиция ученого по отношению к реальности изучаемого объекта, позволяющая ему, по словам Энгельса, воспринимать «природу без всякой посторонней примеси».

В немного странном выражении «исторический материализм» (ведь не называем же мы химию химическим материализмом) термин «материализм» означает отказ от идеализма, присущего различным философиям истории, и одновременно — внедрение научного подхода к изучению истории. То есть исторический материализм — это наука истории. Если после этого смогло возникнуть такое явление, как марксистская философия, то, думается, оно стало порождением этой науки, непохожей на остальные, но при всей своей необычности по праву входящей в семью наук; произошло это спустя долгое время, какое всегда отделяет поворот в философии от вызвавшей его научной революции.

Чтобы лучше понять причины этого длительного философского молчания, мы предлагаем рассмотреть здесь некий тезис о связях между науками и философией, точнее, только проиллюстрировать его эмпирическими данными. Ленин начинает свою книгу «Государство и революция» простой эмпирической констатацией: государство существовало не всегда; наличие государства наблюдается лишь в классовых обществах. А мы скажем: философия существовала не всегда; наличие философии наблюдается только в мире, где есть то, что называют наукой или во множественном числе науками. Наукой в строгом смысле слова, то есть дисциплиной теоретической, отвлеченной, основанной

на системе доказательств, а не на совокупности эмпирических данных.

И вот в нескольких словах эмпирические иллюстрации к этому тезису.

Чтобы философия могла зародиться или возродиться, необходимо присутствие науки. Возможно, именно поэтому философия в строгом смысле слова началась только с Платона: ее рождению способствовал расцвет математики в Греции; затем Декарт совершил в ней переворот, и она пошла в ногу со временем под влиянием физики Галилея; потом Кант создал ее заново, вдохновившись открытием Ньютона; потом ее преобразовал Гуссерль под воздействием первых аксиоматиков, и т. д.

Я затрагиваю эту тему, которая еще нуждается в доказательствах, только чтобы отметить, опять-таки чисто эмпирически, что Гегель, пожалуй, был прав, говоря: философия встает, *когда наступают сумерки*, когда наука, родившись на заре, уже успела прожить целый день. Таким образом, философия всегда отстает от науки, помогающей ей зародиться в первоначальной форме или заставляющей преобразиться заново, — отстает на целый день, который может длиться годы, двадцать лет, полвека или век.

Очевидно, потрясение, вызванное разрывом в науке, сказывается не сразу, и философии, чтобы измениться, нужно время.

И еще из этого, очевидно, следует, что процесс созревания философии отчасти связан с процессом созревания науки, одно помогает другому. Ясно, что новые философские категории вырабатываются в мастерской новой науки. Но в некоторых случаях (назову опять-таки Платона и Декарта) то, что обычно называют философией, становится теоретической лабораторией, где оттачиваются новые категории, востребованные идеями новой науки. Разве, например, не в рамках картезианства была выработана новая категория причинности, насущно необходимая физике Галилея, для которой философия Аристотеля в этом смысле стала «эпистемологическим камнем преткновения»? Если к этому

еще добавить, что известные нам великие события в философии (становление древней философии при Платоне, становление современной философии при Декарте) несомненно связаны с открытием двух необъятных научных континентов — греческой математики и физики Галилея, то можно попытаться (ведь речь идет об эмпирических данных) сделать определенные умозаключения о том, что, по нашему мнению, позволительно называть марксистской философией. Таких умозаключений три.

Первое. Если Маркс действительно открыл для научно-го познания новый континент, то это его научное открытие должно было вызвать некий переворот в философии. Возможно, XI Тезис, возвещавший о грандиозном событии в философии, просто заявил об этом раньше времени.

Второе. Философия должна отставать от науки, бросившей ей вызов. А значит, марксистская философия должна была отставать от марксистской исторической науки. Судя по всему, так оно и было. Об этом свидетельствует тридцатилетний вакуум между «Тезисами о Фейербахе» и «Анти-Дюрингом», об этом свидетельствуют и случаи долгого топтания на месте в позднейшие времена — вот мы, к примеру, никак не перестанем топтаться, и притом в большой компании.

Третье. У нас есть шансы найти в созревающей марксистской науке теоретические элементы будущей марксистской философии — элементы более передовые, чем мы могли предположить, уже зная о неизбежном отставании философии. Ленин говорил, что марксову диалектику надо искать в «Капитале», а под диалектикой он подразумевал всю марксистскую философию в целом. То есть в «Капитале» должен быть материал, из которого можно выковать новые философские категории, они находятся там «в стадии заготовок». Очевидно, так оно и есть. Надо только прочесть «Капитал» и взяться за работу.

День всегда длится долго, но, к счастью для нас, он уже близок к концу, и скоро опустится вечер. Для марксистской философии настало время подъема.

Предположим, эти выводы открывают перед нами некие перспективы; в этом случае они, если можно так выразиться, способны навести порядок в наших заботах и наших чаяниях, а также и в некоторых наших мыслях. И мы поймем: если Маркс, разрывавшийся между борьбой за выживание, напряженной научной работой и насущными делами руководимого им политического движения, так и не написал свою «Диалектику» (или «Философию»), которую всегда мечтал написать, то виной этому — что бы он там ни говорил! — отнюдь не недостаток времени. Мы поймем: если Энгельс, поставленный перед необходимостью каждодневно, как пишет он, «высказываться по вопросам философии», не смог переубедить профессиональных философов, то вовсе не потому, что вел экспромтом чисто идеологическую полемику. Мы поймем: определенная узость философских рамок «Материализма и эмпириокритицизма» объясняется отнюдь не только ограничениями идеологической борьбы.

Теперь мы знаем правильный ответ. Недостаток времени у Маркса, философские импровизации Энгельса, законы идеологической борьбы, заставлявшие Ленина разить противника его же оружием, — всё это не более чем оправдания, истинная же причина в другом.

Истинная причина в том, что время еще не пришло, еще не настал вечер, и ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не могли еще написать тот фундаментальный философский труд, которого не хватает марксизму. Появившись уже после переворота в науке, который обуславливал развитие философии на очередном ее этапе, они все же появились *слишком рано*; как мы знаем, философии всегда необходимо *отставание*.

Этот фактор необходимого «отставания» мог бы объяснить всё, в том числе и заблуждения молодого Лукача, Грамши¹⁹, а равно и других, не столь выдающихся умов, которым так не терпелось увидеть эту припозднившуюся философию, что они заявили, будто она родилась уже давно, будто она была еще с самого начала, еще в «Тезисах о Фейербахе», то есть *зادолго* до появления марксистской науки, а вместо аргументации попросту заявляли: поскольку наука выступает

элементом «надстройки», то все существующие науки являются по сути позитивистскими (то есть буржуазными), и, следовательно, марксистская «наука» могла быть лишь *философской* наукой, а марксизм — философией, постгегельянской философией, или «философией практики».

Этот фактор необходимого «отставания» мог бы помочь нам в понимании и многих других труднообъяснимых вещей, вплоть до *политической* истории марксистских организаций, пережитых ими поражений и кризисов. И если, как учит нас вся традиция марксизма, величайшим событием в истории классовой борьбы — то есть, по сути, в истории человечества — был союз марксистской теории с рабочим движением, то становится понятно, что внутреннее равновесие этого союза может быть поколеблено в результате теоретических нарушений, которые принято называть *уклонами*, даже если они едва заметны; становится понятно, сколь велико было политическое значение ожесточенных теоретических дебатов, возникавших в социалистическом, а затем в коммунистическом движении из-за того, что Ленин называл «оттенками»; ведь, как он писал в своей работе «Что делать?», «от упрочения того или другого “оттенка” может зависеть будущее русской социал-демократической партии на много, очень много лет».

Теперь, когда мы знаем, что теория марксизма включает в себя науку и философию, причем философия вынужденно отстает от науки, тем самым сдерживая развитие теории в целом, теперь, когда мы это знаем, велик соблазн предположить, что теоретические уклоны были *неизбежным следствием* не только более или менее серьезных изменений, какие теория марксизма переживала под влиянием классовой борьбы, но и принципиальных сдвигов внутри этой теории.

И действительно, если мы обратимся к истории марксистского рабочего движения, то сможем назвать по именам теоретические уклоны, которые привели пролетариат к крупным историческим провалам, достаточно привести в пример крах II Интернационала. Эти уклоны называют-

ся: экономизм, эволюционизм, волюнтаризм, гуманизм, эмпиризм, догматизм и т.д. По сути, все эти уклоны имели *философскую* базу, и виднейшие руководители рабочего движения, прежде всего Энгельс и Ленин, осудили их именно как уклоны в философии.

Теперь мы в состоянии понять, почему этим уклонам удалось одержать победу над теми, кто их осуждал; разве их неизбежность не была в известном смысле обусловлена необходимым *отставанием* марксистской философии?

Доведем нашу мысль до логического завершения. Если это так, то даже сейчас, при глубочайшем кризисе, раздирающем международное коммунистическое движение, марксистские философы могут трепетать от волнения перед долгожданной задачей, которую нежданно поставила им история. Если, как показывают многочисленные признаки, отставание марксистской философии сегодня частично преодолено, то это позволяет не только понять прошлое, но, возможно, и преобразить будущее.

И в этом преобразенном будущем люди воздадут должное всем, кто был зажат в тиски между политическими требованиями момента и отставанием в философии. Воздадут должное одному из величайших среди них — Ленину. Это выразится в том, что его философское наследие будет наконец завершено. Завершено — в смысле дополнено и исправлено. Ведь мы обязаны оказать эту услугу, воздать эту честь человеку, который имел счастье вовремя родиться для политики и несчастье — слишком рано родиться для философии. Никто не может выбрать, когда ему родиться, верно?

IV

Теперь, когда благодаря «истории» марксистской теории мы узнали причины, по которым философия марксизма отстает от его исторической науки, мы можем непосредственно обратиться к Ленину и глубже заглянуть в его наследие. Но тут наше философское «сновидение» нас обманет, наяву все окажется далеко не так просто.

Но я забегаю вперед. Нет, Ленин не родился слишком рано для философии. Для философии нельзя родиться слишком рано. Если философия отстает, если именно это отставание и делает ее философией, то можно ли отстать от отставания, у которого нет точки отсчета? Но раз уж непременно нужно говорить об отставании, то я скажу так: это мы отстаем от Ленина. И наше отставание — результат ошибки. Рассматривая отношения между Лениным и философией, мы совершаем философскую ошибку. Отношения между Лениным и философией можно выразить *в контексте философии*, тех правил и законов, по которым философия философствует внутри себя, но эти отношения не являются философскими, поскольку не являются философскими эти правила.

Я попробую обосновать здесь эти выводы в сжатой и систематизированной форме, она по необходимости будет очень схематичной: объектом нашего анализа будет основная «философская» работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Обоснование будет состоять из трех частей:

1. Важнейшие философские тезисы Ленина;
2. Ленин и философская практика;
3. Ленин и позиция партии в вопросах философии.

1. Важнейшие философские тезисы Ленина

Под тезисами я подразумеваю философские взгляды Ленина, сформулированные и изложенные в его высказываниях о философии. В данный момент я не буду касаться замечаний, послуживших университетской философии оправданием или предлогом для того, чтобы не читать «Материализм и эмпириокритицизм», — замечаний по поводу категориальной терминологии и исторических отсылок, то есть попыток уличить Ленина в невежестве.

Вот факт, сам по себе заслуживающий целого исследования: начиная с «Введения» к «Материализму и эмпириокритицизму», прямо отсылающего нас к Беркли и Дидро, Ленин во многих аспектах оказывается в *теоретическом*

пространстве эмпиризма XVIII века, а значит, в области «официально» докритической философской проблематики, если считать, что философия «официально» становится критической только при Канте.

Если принять во внимание данную систему отсылок, если знать ее структурную логику, то станет очевидно, что теоретические формулировки Ленина прямо вытекают из этой логики, в том числе и категориальная терминология эмпиризма, которую Ленин выворачивает наизнанку, чтобы обратить ее против эмпиризма. Ибо если он мыслит *в русле* проблематики объективного эмпиризма (Ленин говорит даже: «объективного сенсуализма») и если этот факт отражается не только в формулировках, но и в некоторых поворотах ленинской мысли, значит, невозможно отрицать, что Ленин *мыслитель*, то есть его мысли присущи систематичность и точность. Ленинская мысль выражена в нескольких тезисах. Этих тезисов три, и суть их такова:

Тезис 1. Философия не является наукой. Философия отлична от всех известных наук. Философские категории отличны от научных понятий.

Это главный тезис. А вопрос для него судьбоносный, решающий, — это категория *материи*, большой вопрос для всякой материалистической философии и для всех философических душ, желающих ее спасения, то есть ее смерти. Но Ленин говорит нам прямо: различение философской категории материи и научного понятия материи жизненно важно для марксистской философии.

«*Материя есть философская категория*» («Материализм и эмпириокритицизм»).

«*Единственное “свойство” материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью*» («Материализм и эмпириокритицизм»).

Из этого следует, что философскую категорию материи, которая одновременно является и утверждением *существования*, и утверждением *объективности*, ни в коем

случае нельзя смешивать с содержанием *научных* понятий материи. В научных понятиях материи находят свое отражение знания о предмете изучения различных наук, соответствующие данному историческому этапу в развитии этих наук. Содержание научного понятия материи изменяется по мере развития, то есть углубления научного знания. Смысл философской категории материи остается неизменным, поскольку не связан с каким-либо предметом изучения, но утверждает *объективность* всякого научного познания предмета. Категория *материи* не может изменяться. Она «абсолютна».

На основе этого различения Ленин приходит к выводам огромной важности. И первым делом касательно того, что тогда называлось «кризисом в физике». Ленин восстанавливает истину: физика переживает отнюдь не кризис, а, напротив, бурный рост. Материя не «исчезла». Просто *изменилось содержание* научного понятия материи, и будет изменяться снова и снова, ибо процесс познания бесконечен, как и сам объект познания.

Мнимый научный кризис в физике — всего лишь *философский* кризис, вернее, транс, в котором идеологи, даже будучи по профессии учеными, открыто нападают на материализм. Когда они заявляют, будто материя исчезла, это выражение их тайного желания: *чтобы исчез материализм!*

Ленин обличает и опровергает всех этих ученых философов-однодневок, вообразивших, будто пришла их пора. А что от них осталось? Кто еще помнит их имена? Пусть Ленин был невеждой в философии, но в здравом суждении ему не откажешь. И какой профессиональный философ решился бы, подобно ему, отважно ринуться вперед и один против всех без промедления и без колебаний ввязаться в битву, грозившую неминуемым поражением? Назовите мне хотя бы одно имя кроме Гуссерля — объективно союзника Ленина в борьбе с эмпиризмом и историзмом, но союзника временного, который не смог с ним сойтись: ведь Гуссерль, как истинный «философ», думал, что движется «в каком-то направлении».

Но значение ленинского тезиса не ограничивается этим умозаключением, оно гораздо важнее. Если необходимо проводить различие между философской категорией материи и любым научным понятием материи, из этого следует, что материалисты, применяющие философские категории к объектам науки, как если бы эти категории были научными понятиями, оказываются жертвами недоразумения. Вот пример: тот, кто станет *концептуально* применять *категориальное* соотношение материя—дух или материя—сознание, имеет все шансы впасть в *паралогизм*, ибо «*противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что — вторичным* [то есть в философии]. *За этими пределами* [то есть в науке] *относительность данного противоположения несомненна* («Материализм и эмпириокритицизм»).

Не буду рассматривать здесь другие важнейшие последствия ленинского тезиса, например, то, что различие между философией и науками неизбежно открывает для Ленина возможность создать в будущем теорию истории научного познания, провозвестником которой становится ленинская теория об исторических *пределах* всякой истины (а значит, и всякого научного познания): эта теория мыслится им как теория различения *абсолютной истины* и *относительной истины* (здесь в одной паре категорий выражено различие между философией и науками и одновременно обоснована необходимость в теории истории науки).

Хочу только подчеркнуть вот что. Различение между философией и наукой, между философскими категориями и научными понятиями основано на определенной философской позиции: на решительном неприятии *всех форм эмпиризма и позитивизма*, как эмпиризма и позитивизма некоторых материалистов, так и натурализма, психологизма и историзма (обратите внимание на резкую критику историзма Богданова).

Надо признать: для философа, которого все наперебой, основываясь на выхваченных из текста фразах, объявляют докантовским догматиком, это совсем неплохо и даже достойно удивления, поскольку этот большевистский лидер 1908 года, явно не читавший ни Канта, ни Гегеля и довольствовавшийся Беркли и Дидро, вполне «критически» оценивает своего противника-позитивиста и с поразительной зоркостью распознает общую религиозную подоплеку тогдашней «гиперкритической» философии.

И вот что самое удивительное: Ленин сумел сформулировать свою *антиэмпиристскую позицию, оставаясь в сфере обсуждаемой им эмпиристской проблематики, постоянно отсылая к ней*. Мыслить и выражать свои мысли в основных категориях эмпиризма, будучи при этом антиэмпиристом, — редкостный подвиг, над которым придется помудрить добросовестным философам, коль скоро они пожелают в него вникнуть.

И вот что приходит в голову: а вдруг сфера философской проблематики, категориальные формулировки, изъяснение философского тезиса относительно независимы от позиций того или иного философа? А вдруг в том, что, как нам кажется, составляет самую суть философии, на деле не происходит ничего серьезного? Интересная мысль.

Тезис 2. При том что философия существует отдельно от науки, между первой и второй имеется особая неразрывная связь. Эта связь — материалистический тезис объективности.

Выделим два основных момента.

Первый касается природы научного знания. Идеи, высказанные в «Материализме и эмпириокритицизме», получили дальнейшее развитие в «Тетрадах по диалектике»*: они дают исчерпывающее представление об антиэмпиризме

---

* В России все философские конспекты и заметки Ленина разных лет издаются с 1930-х годов под названием «Философские тетради». — *Примеч. ред.*

и антипозитивизме Ленина даже в рамках понятия *философской практики*. В этом отношении Ленина следует рассматривать еще и в качестве свидетеля, который говорит о научной практике как настоящей практик. Достаточно прочесть то, что он написал о «Капитале» Маркса с 1898 по 1905 год, а также аналитические страницы из «Развития капитализма в России», чтобы понять: на фоне своей научной деятельности в области марксистской теории истории, политической экономии и социологии он постоянно и напряженно размышлял о проблемах эпистемологии, в его философских работах эти размышления лишь повторяются в более общей форме.

Ленин — опять-таки с помощью категорий, которые могут быть искажены эмпиристскими отсылками (например, категории отражения), — выявляет антиэмпиризм всякой научной деятельности, выявляет решающую роль научной абстракции, точнее, роль концептуальной систематичности и в более общем смысле роль теории как таковой.

Как политик Ленин известен своей критикой «стихийности» — следует уточнить, что он имел в виду не стихийный порыв народных масс, вдохновенный и могучий, а политическую идеологию, которая, восхваляя на словах стихийное возбуждение масс, на деле пользуется этим их состоянием, чтобы завлечь на ложный политический путь. Но обычно остается незамеченным тот факт, что Ленин занимает такую же позицию и в своей концепции научной деятельности. Если Ленин написал, что «без революционной теории не может быть революционного движения», он вполне мог бы написать и так: без теории науки не может быть научных знаний. Он вступает за права теории в научной деятельности точно так же, как защищает права теории в деятельности политической. Только тут его «антистихийность» принимает теоретическую форму антиэмпиризма, антипозитивизма и антипрагматизма.

Но подобно тому, как неприятие стихийности в политике сочетается у Ленина с глубоким уважением к стихийному порыву масс, так же и неприятие стихийности в теории сочета-

ется у него с величайшим уважением к *практике* в процессе познания. Как в своей концепции науки, так и в своем понимании политики Ленин ни на секунду не впадает в *теоризм*.

Этот первый момент поможет нам понять *второй*. В глазах Ленина, материалистическая философия неразрывно связана с научной практикой. Как мне кажется, эту его позицию следует рассматривать в двух планах.

Первый план, вполне традиционный, наглядно иллюстрирует то, что мы могли эмпирически наблюдать в истории отношений, связывающих всякую философию с наукой. По мнению Ленина, то, что происходит в науке, в первую очередь затрагивает философию. Великие научные революции приводят к коренным изменениям в философии. Таков известный тезис Энгельса: материализм изменяет форму при каждом великом научном открытии. Ленин защищает этот тезис, показывая — причем по-своему и даже более убедительно, чем Энгельс, чересчур увлеченный философскими последствиями великих открытий в естествознании (открытие клетки, теория эволюции, принцип Карно и т. д.), — что важнейшее открытие, которое неизбежно влечет за собой изменения в материалистической философии, состоялось не в естествознании, а в *науке об истории*, в историческом материализме.

В другом плане Ленин обращается к весьма важной теме. Речь пойдет уже не о философии вообще, а о материалистической философии. Эта последняя непосредственно и притом особым, присущим ей образом зависит оттого, что происходит в научной практике, поскольку в своем материалистическом миропонимании *представляет* «стихийные» убеждения ученых касательно существования объекта их научного исследования и объективности их знания.

Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» не устает повторять, что большинство специалистов по естественным наукам — «стихийные» материалисты, по крайней мере *в одной из тенденций* своей стихийной философии. Выступая

против идеологий стихийности в научной практике (эмпиризм, прагматизм), Ленин признает, что в практике научного эксперимента присутствует стихийно-материалистическая тенденция, исключительно важная для марксистской философии. Он сводит материалистические тезисы, необходимые для осмысления специфики научного *познания*, со стихийно-материалистической тенденцией *практиков* науки; таким образом ему удастся выразить одновременно практически и теоретически одну и ту же материалистическую идею и в плане существования материи и в плане ее объективности.

Забегая вперед, скажу: решимость Ленина выявить особую тесную связь, существующую между наукой и материалистической философией марксизма, эта его решимость показывает, что здесь мы имеем дело с узловой точкой, назовем ее *Узловая точка № 1*.

Но в разговоре о стихийной философии ученых вырисовывается и еще кое-что важное, открывающее для нас другую узловую точку совсем иного свойства.

Тезис № 3. Здесь Ленин опять-таки подхватывает классический тезис Энгельса, сформулированный в книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», но наделяет его чрезвычайной важностью. Это трактовка истории философии как истории многовековой борьбы двух направлений: идеализма и материализма.

Надо сказать, что этот жесткий тезис идет вразрез с убеждениями подавляющего большинства профессиональных философов. Но если все же они согласятся почитать Ленина — а рано или поздно они это сделают, — то охотно признают, что его философские тезисы не столь поверхностны, как принято считать. Однако, боюсь, они примут в штыки этот последний тезис, оскорбляющий их самые глубокие убеждения. Он покажется им чересчур грубым, пригодным лишь для публичных дебатов, то есть для идеологической и политической полемики. Утверждать, что вся история философии в итоге

сводится к борьбе материализма и идеализма, — значит, по их мнению, обесценить все богатство истории философии.

Верно, из этого тезиса следует, что, по сути, *у философии нет истории как таковой*. В самом деле, что это за история, если в ней нет ничего, кроме снова и снова повторяющихся столкновений двух основных направлений? Формы этих столкновений, аргументы, приводимые в споре, могут быть разными, но если вся история философии исчерпывается историей этих форм, то достаточно свести их к неизменным направлениям, которые в них воплощаются, чтобы преобразование форм стало *бесцельной игрой*. И в итоге получится, что у философии нет истории, что философия — такое странное теоретическое построение, в котором ничего не происходит, только само это «ничего» *повторяется* снова и снова. Сказать, что в философии ничего не происходит — все равно что сказать: философия *идет в никуда*, а значит, *не может привести куда-либо*; и, как говорил Дицген еще до Хайдеггера²⁰, пути, которые она перед нами открывает, суть пути, которые ведут в никуда, *Holzwege*.

Но именно это *практически* и говорит нам Ленин, еще на первых страницах «Материализма и эмпириокритицизма» объясняя, что Мах всего лишь *повторяет* Беркли; сам же он, полемизируя с Махом, *повторяет* Дидро. Хуже того, мы замечаем, что Беркли и Дидро *повторяют* друг друга, поскольку оба признают противопоставление материя/дух, только по-разному позиционируют его составляющие. В их философии «ничего не происходит» в том смысле, что происходит лишь ничего не значащая инверсия оценок неизменного категориального противопоставления (материя/дух), в котором в рамках философской теории проявляется противоборство двух антагонистических направлений. Таким образом, в истории философии действительно не происходит ничего — ничего, кроме бесконечного, ничего не значащего повторения этой инверсии. Этот тезис добавляет убедительности знаменитым словам о том, что Маркс поставил Гегеля с головы на ноги, — Гегеля, про которого Энгельс говорит, что это он когда-то все перевернул вверх тормашками.

Надо отдать должное безоглядной, беспредельной решимости Ленина. По крайней мере, в «Материализме и эмпириокритицизме» (в «Тетрадах по диалектике» этот вопрос обсуждается не в таком жестком тоне) он выбрасывает за борт все тонкости, все различия, все уловки и теоретические ухищрения, с помощью которых философ пытается объять мысль «объект»: это не более чем софизмы, жонглирование словами, профессорские ужимки, натяжки, компромиссы, чья единственная цель — замаскировать подлинную суть главного общеполитического конфликта — борьбы материализма и идеализма за господство в философии. Здесь, как и в политике, нет третьего пути, нет места полумерам, непроясненным позициям. Есть только идеалисты и материалисты, и ничего больше. Все, кто не причисляет себя в открытую к тем или другим, являются материалистами либо «стыдливymi» идеалистами (Кант, Юм).

Но тогда надо пойти еще дальше и сказать: раз вся история философии есть не что иное, как бесконечная смена декораций на месте одной и той же схватки, если философия — не что иное, как борьба двух направлений, *Kampfplatz**, по выражению Канта, то мы попадаем в сферу чистой субъективности — сферу идеологической борьбы. Иными словами, *у философии, по сути, нет своего объекта* в том смысле, в каком он имеется у каждой отрасли науки.

И Ленин не боится прийти к такому выводу — вот еще одно подтверждение того, что Ленин *мыслит*. Он заявляет: невозможно доказать основополагающие принципы материализма и точно так же невозможно доказать (или опровергнуть: эта невозможность бесила Дидро) принципы идеализма. Их нельзя доказать потому, что они не могут быть объектом познания, то есть такого познания, какое возможно в науке, где доказательно обосновываются свойства исследуемого объекта.

Итак, у философии нет объекта. Но это не страшно. Если в философии ничего не происходит, то это именно потому,

---

* Поле боя (нем.).

что у нее нет объекта. В самом деле, если в науке постоянно что-то происходит, то причина ясна: у каждой из отраслей науки имеется объект, и знание этого объекта постоянно углубляется, *что и создает науке историю*. Раз у философии нет объекта, в ней ничего и не может происходить. Отсутствие истории соответствует отсутствию объекта.

Вот тут мы начинаем приближаться к Узловой точке № 2, связанной с этими пресловутыми *направлениями*. Философия только и делает, что варьирует на все лады набор аргументов, которые в форме категорий выражают конфликт между двумя направлениями. Это на их конфликте, не получившем названия *в философии*, основана бесконечная и бесцельная инверсия, для которой философия служит помпезной декорацией, инверсия категориальной пары «материя/дух». Как же распознать то или иное направление? По иерархии, которую оно устанавливает в категориальной паре, по тому, что считается первичным. Послушаем Ленина: «Богданов, делая вид, что он спорит только с Бельтовым и трусливо обходя Энгельса, возмущается подобными определениями, которые, видите ли, «оказываются простыми повторениями» той «формулы» Энгельса... что для одного направления в философии материя есть первичное, дух — вторичное, для другого направления — наоборот. Все российские махисты в восторге повторяют богдановское «опровержение»! А между тем самое небольшое размышление могло бы показать этим людям, что *нельзя, по сути дела нельзя дать много определения двух последних понятий гносеологии, кроме как указания на то, которое из них берется за первичное*. Что значит дать «определение»? Это значит прежде всего подвести данное понятие под другое, более широкое... Спрашивается теперь, есть ли более широкие понятия, с которыми могла бы оперировать теория познания чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое? Нет. Это предельно-широкие, самые широкие понятия, дальше которых, по сути дела, (если не иметь в виду всегда возможных изменений *номенклатуры*) не пошла до сих пор гносеология. Только шарлатанство или крайнее

скудоумие может *требовать* такого «определения» этих двух «рядов» предельно-широких понятий, которое бы не состояло в «простом повторении»: то или иное берется за первичное» («Материализм и эмпириокритицизм»).

Если «внутри» философии инверсия является лишь формальным выражением того, что там ничего не происходит, то вне философии ее нельзя назвать ничтожной; точнее, она является результатом уничтожения, уничтожения предыдущей иерархии, которую отныне заменит обратная иерархия. Интрига драмы, разыгрывающейся в философии с участием основных категорий, управляющих всеми философскими системами, в том, какой вид примет эта иерархия, какая из категорий займет главенствующее положение; это похоже на захват власти или на вступление во власть. В философском смысле мы должны заметить: вступление во власть не предполагает *объекта*. Да и можно ли назвать вступление во власть чисто теоретической категорией? Захват власти (или вступление во власть) — это политическая акция, у нее нет объекта, есть только ставка в игре — сама власть, и еще есть цель — возможность пользоваться властью.

Остановимся на минутку и посмотрим, что нового привнес Ленин по сравнению с Энгельсом. Его вклад огромен, это станет очевидно, если по-настоящему оценить значение того, что слишком часто считалось лишь нюансами.

Хотя у Энгельса в его работах о Марксе встречаются бесспорные проявления гениальности, он уступал Ленину как *мыслитель*. Часто он сопоставляет тезисы, вместо того чтобы осмыслить их соотношение как некое единство.

Хуже того, он так никогда и не смог избавиться от позитивистского уклона, который дает себя знать в «Немецкой идеологии». Философия, утверждает он, должна исчезнуть, ведь она — лишь мастерская, где в прошлом были выработаны необходимые для науки философские категории. Но те времена миновали безвозвратно. Философия сделала свое дело. Теперь она должна уступить место науке. С тех пор как различные отрасли науки в научном отношении смогли

образовать *единую систему взаимосвязей*, отпала необходимость как в натурфилософии, так и в философии истории.

Тогда что же остается у философии? Только один предмет исследования — диалектика, самые общие законы природы (которую со своей стороны исследует также и наука) и мышления. То есть остаются законы мышления, которые можно вывести из истории науки. Таким образом, философия, по сути, не отделена от науки, отсюда и позитивизм, к которому близок Энгельс в некоторых своих формулах, например, когда он говорит, что быть материалистом — значит принимать природу такой, какая она есть, «без посторонней примеси», хотя Энгельсу известно, что наука представляет собой процесс познания. Вот почему у философии все же имеется предмет изучения, но парадоксальным образом таким предметом является *чистое мышление*, что уже отдает идеализмом. Чем, по собственному признанию, занимается в наши дни г-н Леви-Стросс²², называющий себя последователем Энгельса? Тоже изучает законы, или, скажем так, структуры *мышления*. Но г-н Рикёр справедливо указал ему на то, что он — сущий Кант, только без трансцендентального субъекта. И г-н Леви-Стросс не стал это опровергать. Действительно, если предметом изучения в философии является чистое мышление, то вполне реально, называясь последователем Энгельса, на деле оказаться кантианцем, только без трансцендентального субъекта.

Эту трудность можно объяснить и по-другому. Считается, что предмет философии — диалектика — это разновидность *логики*. Но может ли предмет логики стать предметом философии? Похоже, логика становится все более независимой от философии, ведь она является наукой.

Конечно, Энгельс *в то же самое время* поддерживает тезис о двух направлениях в философии; но как соединить материализм и диалектику, с одной стороны, а с другой — борьбу двух направлений и развитие философии, обусловленное исключительно развитием науки? Это трудно себе представить, еще труднее *помыслить*. Энгельс пытается это сделать, но, даже если не ловить его на слове (а поймать совсем не-

сложно, поскольку мы имеем дело с неспециалистом), все равно совершенно ясно, что ему *не хватает* чего-то *очень важного*.

Иначе говоря, его мысли *не хватает* чего-то важного для мышления. И эту *нехватку* мы смог ли заметить благодаря Ленину. Ибо мысли Энгельса не хватает именно того, чем впоследствии обогатил ее Ленин.

Ленин обогатил ее своей мыслью, в которой все строго взаимообусловлено, она выдвигает несколько радикальных тезисов — тезисов, вероятно, объемлющих пустоту, но *ожидаемую* пустоту. А в центре его мысли — тезис, что у философии *нет предмета изучения*, то есть нельзя постичь философию, *основываясь исключительно на ее связи с наукой*.

Теперь мы ближе к Узловой точке № 2. Но еще не придвинулись к ней вплотную.

2. Ленин и философская практика

Чтобы достичь Узловой точки № 2, нам придется пройти через новую для нас область — область философской практики. Было бы интересно изучить философскую практику Ленина по различным его произведениям. Но для этого нам полагалось бы знать, что такое философская практика как таковая.

Лишь иногда, в редких случаях, ход полемики вынуждает Ленина давать нечто вроде *определения собственной философской практики*. Вот два наиболее показательных отрывка.

«Вы скажете: это различие относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечу вам: оно как раз настолько неопределенно, *чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова*, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое, но оно в то же время как раз настолько определено, *чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом* от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта» («Материализм и эмпириокритицизм»).

«Не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» («Материализм и эмпириокритицизм»).

Эту позицию Ленина можно проследить и по другим его произведениям. Мы явно имеем дело не со случайными, единичными замечаниями, а с выражением глубокой убежденности.

Итак, Ленин определяет суть философской практики как *вмешательство* в сферу теории. Это вмешательство имеет двойственную форму: теоретически оно выражается в формулировании законченных категорий; практически — в функции этих категорий. Их функция в том, чтобы провести через область теории «демаркационную линию», которая будет отделять идеи, объявленные истинными, от идей, объявленных ложными, отделять науку от идеологии. Обозначение такой границы приводит к неоднозначным результатам: положительным в том смысле, что они служат определенной практике — научной практике, и отрицательным в том смысле, что они защищают эту практику от опасностей, какие для нее представляют некоторые идеологические понятия, в данном случае от опасностей идеализма и догматизма. Таковы, по крайней мере, результаты, достигнутые философским вмешательством *Ленина*.

Во время этой работы по проведению демаркационной линии наглядно проявляется борьба двух основных направлений, о которой уже шла речь. Демаркационную линию проводит философия материализма, чтобы защитить научную практику от наскоков идеалистической философии, науку — от наскоков идеологии. Мы сможем расширить это определение, если скажем: всякая философия стремится провести демаркационную линию, чтобы защищаться от идеологических понятий иных философий, представляющих противоположное направление; а высшая цель, которой

она при этом хочет достичь, то есть высшая цель философской практики, — это научная практика, научность. И тут мы возвращаемся в нашу Узловую точку № 1: особая тесная связь философии с наукой.

А еще мы вновь возвращаемся к парадоксальной игре, к инверсии «первичности», в которой история философии самоуничтожается, продуцируя «ничто». Но значение этого «ничто» отнюдь не ничтожно, ведь в этой игре решается судьба научной практики, науки как таковой, а также ее антипода, идеологии. Либо научная практика потерпит крах, либо ее спасет вмешательство философии.

Тогда становится понятен тот факт, что у философии есть история, но в этой истории ничего не происходит. Ибо вмешательство каждой философии, которое изменяет расстановку или форму существующих философских категорий, а следовательно, производит соответствующие изменения в философских дискурсах, через которые и реализует себя история философии, — это вмешательство и есть то самое философское «ничто», чье необходимое присутствие мы успели отметить, ведь демаркационная линия, по сути, и есть ничто, даже не линия, не отчетливая граница, а простой факт размежевания, *пустота выдержанного интервала*.

Этот интервал оставляет свой *след* в специфических особенностях философского дискурса, в его видоизмененных категориях и в его структуре, но все эти изменения сами по себе ничего не значат, поскольку их действие проявляется только вне их самих и выражается в наличии или отсутствии интервала, который отделяет противоборствующие направления от предмета их спора — научной практики. Если в этой работе по созданию «пустоты» в качестве демаркационной линии и есть нечто философское, то оно заключается лишь в передвигании этой линии; но такое передвигание связано с историей научной практики и вообще науки. Ибо у науки есть история, и в зависимости от изменений обстановки в науке (то есть в зависимости от состояния науки и ее проблем), а также в зависимости от ситуации в философии, возникающей в результате этих изменений, философская

линия фронта передвигается. А термины, обозначающие круг понятий в науке и в идеологии, всякий раз приходится *осмысливать* заново.

Таким образом, получается, что, если у философии нет своей истории, существует история *в* философии — это история бесконечно повторяющегося передвигания линии, которая сама по себе ничто, однако ее результаты вполне реальны. Эту историю можно с большой пользой для себя выявить в наследии всех великих философов, даже идеалистов, и у того, в чьем наследии сосредоточена вся история философии, — у Гегеля. Вот почему Ленин с таким упоением читает Гегеля; вдобавок чтение Гегеля еще и вытекает из *философской практики* Ленина. Читать Гегеля, будучи материалистом, — значит проводить в нем демаркационные линии.

Быть может, я несколько расширительно истолковал текст Ленина; но, погрешив против буквы этого текста, я, полагаю, остался верен его духу. Так или иначе, я хочу сказать только следующее: у Ленина мы находим отправную точку для того, чтобы осмыслить специфическую форму *философской практики* в ее основе и задним числом объяснить некоторые определения, встречающиеся в прославленных сочинениях великих философов. Ведь еще Платон на свой лад рассказывал о борьбе Друзей Форм с Друзьями Земли и заявлял, что истинный философ должен уметь разделять, размежевывать, проводить разграничительные линии.

Но остается еще один важнейший вопрос: как быть с двумя противоборствующими направлениями в истории философии? Ответ, данный нам Лениным, очень резок, и все же это ответ.

3. Партийность в философии

Ответ содержится в ленинском тезисе — знаменитом, но для многих, надо сказать, совершенно неприемлемом — о партийности в философии.

Это слово звучит как политический лозунг, ведь партийность предполагает принадлежность к политической партии, к коммунистической партии.

И однако, если вчитаться в произведения Ленина, не только в «Материализм и эмпириокритицизм», но также, и особенно, в его исследования по теории истории и экономики, то становится очевидно: речь идет не о политическом лозунге, а о философском понятии.

Ленин только констатирует тот факт, что всякая философия партийна постольку, поскольку принадлежит к определенному философскому направлению, а философии, придерживающиеся противоположного направления, составляют другую — противоположную — партию. И в то же время он констатирует: подавляющее большинство философий стремится открыто и доказательно заявить, *что они не могут быть партийными, ибо они вне партий.*

Возьмем для примера Канта: говоря о *Kampfplatz*, поле битвы, он имеет в виду другие, до-критические, догматические философии, но отнюдь не критическую философию. Его философия находится вне «поля битвы», там, где она может от имени и в интересах Разума выступать судьей в философских спорах. С тех пор как существует философия, начиная от «чистого теоретика» у Платона до философа-«слуги человечества» у Гуссерля и даже до некоторых положений у Хайдеггера, во всей ее истории на первый план выходит снова и снова повторяющееся противоречие: *теоретическое отрицание собственной практики и гигантские теоретические усилия, прилагаемые для того, чтобы зафиксировать это отрицание в связанных философских дискурсах.*

Проанализировав этот поразительный факт, который имеет определяющее значение для большинства философий, Ленин *в немногих словах* высказывает свое мнение о том, почему два направления непрерывно на протяжении всей истории философии борются друг с другом. Как он считает, эти направления, по сути, связаны с положением различных классов, а значит, с классовой борьбой. Я сказал: *«связаны»*, и только, ибо именно так говорит Ленин; кстати, у Ленина нигде не сказано, будто философия сводится к простой классовой борьбе или даже к тому, что в марксистской традиции называется классовой борьбой в идеологии. Чтобы не тракто-

вать мысль Ленина слишком расширительно, скажем лишь, что в его глазах философия *представляет* классовую борьбу, то есть политику. *Представляет* — это предполагает некую *инстанцию*, при которой политика представляет философию, в роли такой инстанции выступает наука.

Узловая точка № 1: связь философии с наукой. *Узловая точка № 2.* связь философии с политикой. Все построено на этой двойной связи.

Теперь мы можем выдвинуть следующую формулу: философия — это продолжение политики другими средствами, в другой области, в соотношении с другой реальностью. Философия — представитель политики в области теории, точнее, ее представитель при науке, и наоборот: философия — представитель науки в политике, при классах, вовлеченных в классовую борьбу. По каким законам осуществляется это представительство, какие механизмы обеспечивают его работу, каким образом представитель может оказаться недобросовестным или под дельным, *почему он, как правило, бывает недобросовестным*, этого Ленин нам не говорит. Но он убежден: никакая философия не может обойти это условие, не может уклониться от этого двойного представительства — короче, философия являет собой некую третью инстанцию, занимает место между двумя высокими инстанциями, которые определяют и ее сущность как инстанции: между классовой борьбой и наукой.

Теперь остается сказать лишь одно: у Энгельса мы находим *Узловую точку № 1*, инстанцию Наука, но зато у него, несмотря на упоминание о борьбе двух направлений в философии, отсутствует *Узловая точка № 2* — инстанция Политика. Так что, как мы видим, Ленин — не просто комментатор Энгельса, он привносит в марксистскую философию нечто новое и очень важное, то, чего *не хватало* Энгельсу.

И еще два слова, чтобы подвести итог. Открытие факта двойного представительства философии есть первый шаг — пусть первый, пусть несмелый, но шаг — к созданию *теории философии*. Да, это еще не настоящая теория, а ее зачатки,

да, ее контуры лишь едва просматриваются в том, что нам кажется просто полемикой, — да, конечно, никто и не спорит. Но указания Ленина, если мы пожелаем к ним прислушаться, имеют, по крайней мере, ту ценность, что благодаря им *вопрос превращается в проблему*, а марксистская философия (или то, что принято ею называть) прекращает топтание на месте — философскую практику, которая с незапамятных пор преимущественно заключается в *отрицании* ее подлинной практики.

В этом смысле Ленин первым смог реализовать пророчество, содержащееся в XI Тезисе, это не смог сделать даже Энгельс. Ленин реализовал его «стилем» своей философской практики. Это жесткая практика в том смысле, в каком Фрейд говорит о жестком анализе, — она не предъявляет теоретические названия своих операций, она приводит в негодование философию, которая «объясняет» мир и которую можно назвать философией *отрицания*. Да, это жесткая практика, но кто поначалу не был жестким?

А все дело в том, что эта практика — *новая* философская практика, *новая*, потому что уже не является топтанием на месте, практикой отрицания, когда философия как «представитель политики» постоянно вмешивается в споры, в которых решается судьба науки, — споры между насаждаемым ею научным знанием и наступающей на нее идеологией, — а как «представитель науки» постоянно вмешивается в битвы, где решается судьба классов, — битвы между необходимым для них научным знанием и наступающей на них идеологизацией, — но при этом в рамках философской «теории» категорически отрицает факт своего вмешательства; *новая*, потому что эта практика отказалась от отрицания и, зная, что делает, *действует сообразно тому, что она есть*.

Если это так, позволительно думать, что неслучайно эти блестящие догадки явились продолжением *научного* открытия Маркса и возникли в голове у *политического* руководителя *пролетариата*. Ибо в конечном счете, если философия зародилась под влиянием исторической науки, то это было в древней Греции, в классовом обществе, и, зная,

сколь далеко идущими могут быть последствия классовой эксплуатации, мы не удивимся, что эти последствия приняли форму, характерную для классовых обществ, где господствующие классы *отрицают* факт своего господства, — форму философского отрицания господства политики над философией. Мы не удивимся, что научное исследование механизмов классового господства и разнообразных последствий этого господства, начатое Марксом и примененное на практике Лениным, вызвало переполох в философии, подорвало мифы философского отрицания, которые философия рассказывает самой себе, желая убедить себя и нас, будто она выше политики, выше классовой борьбы.

Таким образом, только в деятельности Ленина начинает обретать плоть и смысл пророческая фраза из XI Тезиса о Фейербахе²³: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Обещает ли эта фраза какую-то новую *философию*? Я так не думаю. Философия не будет упразднена; философия останется философией. Но, зная, что представляет собой ее практика, и зная — или начиная узнавать, — что представляет собой она сама, философия может постепенно измениться. Но и тогда — особенно тогда! — мы не скажем, будто марксизм — это какая-то новая философия, философия практики. В самом сердце марксистской теории находится наука — совершенно особенная, но все же наука. То новое, что марксизм привнес в философию, — это новая *философская практика*. *Марксизм не является некоей (новой) философией практики, он является некоей (новой) философской практикой.*

Эта новая философская практика может изменить философию. А вдобавок в меру своих возможностей *способствовать* изменению мира. Только способствовать, ибо историю творят не теоретики, не ученые или философы, историю творят не отдельные «личности» — ее творят «массы», то есть классы, объединившиеся для классовой борьбы.

ДОПОЛНЕНИЕ

Чтобы правильно понять критические высказывания о профессорах философии и о философии, которую они преподают, надо помнить, в какое время это было сказано, а также обратить внимание на некоторые слова. Ленин вслед за Дицгеном критикует *большую часть* профессоров философии, а не всех профессоров без исключения. Он отвергает их философию, но не философию вообще. Он даже советует *изучать* их философию, чтобы выработать альтернативную философскую практику и применять ее на деле. Вследствие этого надо констатировать три факта, на которые время и обстоятельства существенно не влияют:

1. Профессора философии — это преподаватели, то есть интеллигенты, работающие в рамках данной системы образования, подчиненные этой системе и в массе своей выполняющие социальную функцию по вдалбливанию учащимся «ценностей господствующей идеологии». Если в учебных или иных подобных учреждениях может возникнуть ситуация, позволяющая отдельным профессорам обратить процесс преподавания и собственное мышление против предустановленных «ценностей», это не меняет *суммарного* результата деятельности профессоров по распространению философского знания. Философы — это представители интеллигенции, а стало быть, мелкой буржуазии, и в массе своей они подчинены буржуазной и мелкобуржуазной идеологии.

2. Вот почему господствующая философия, чьими представителями или проводниками в массе своей являются преподаватели философии (даже когда пользуются «свободой критики»), подчинена господствующей идеологии, которую Маркс в «Немецкой идеологии» определил как идеологию господствующего класса. В этой идеологии господствует идеализм.

3. Такое положение дел с мелкобуржуазными интеллигентами, преподающими философию, и с философией, которую они преподают или же воспроизводят в собственной трактов-

ке, не исключает того, что отдельные интеллигенты смогут преодолеть табу, тяготеющие над интеллигентской массой, и, если они философы, открыть для себя материалистическую философию и революционную теорию. Об этой возможности упоминается уже в «Манифесте коммунистической партии». Ленин тоже так думает, более того, он считает, что поддержка таких интеллигентов необходима рабочему движению. Седьмого февраля 1908 года Ленин писал Горькому: «Значение интеллигентской публики в нашей партии падает: отовсюду вести, что интеллигенция *бежит* из партии. Туда и дорога этой сволочи. Партия очищается от мещанского сора. Рабочие больше берутся за дело. Усиливается роль профессионалов-рабочих. Это все чудесно...» Горький, к которому Ленин обратился за поддержкой, не согласен с этим мнением. Ленин отвечает ему в письме от 13 февраля 1908 года: «Я думаю, что кое-что из возбужденных Вами вопросов о наших разногласиях — прямо недоразумение. Уж, конечно, я не думал «гнать интеллигенцию», как делают глупенькие синдикалисты, или отрицать ее необходимость для рабочего движения. По всем *этим* вопросам у нас *не может* быть расхождения». Но зато в этом же письме проявляются расхождения в философии: «Насчет материализма именно как миропонимания думаю, что не согласен с Вами по существу...» Этого следовало ожидать, ведь Горький выступал в защиту эмпириокритицизма и неокантианства.

